

М.А. Фельдман*

Стимулы к труду рабочих промышленности Урала в первые десятилетия XX в.

Проблема стимулов к труду рабочих на производстве получила широкое освещение в исторических исследованиях¹. В качестве методологической основы исследования в современной литературе утвердилось следующая система мотивов и побуждений к труду: материальное вознаграждение, морально-нравственные побуждения и обязательства, а также принуждение и наказание. В разных сочетаниях эти три группы действовали применительно к различным странам, историческим условиям и обстоятельствам. В материальном вознаграждении различаются прямые выплаты (денежная, натуральная зарплата, премии) и невидимые выплаты (воровство, нелегальные подработки на основном месте работы). Принуждения и наказание за нарушение правил, могут применяться в трех основных областях: области материальной ответственности (штрафы, вычеты), области дисциплинарной ответственности (выговоры, понижения в должности), области уголовной ответственности (уголовные наказания). Морально-нравственные побуждения и обязательства включают гордость за умение или высокие результаты, заводской патриотизм, желание всеобщего признания². Мерами морального поощрения выступали грамоты, медали, ордена.

С учетом незначительности доли заработка за сверхурочную работу³, основным стимулом к труду на производстве в дореволюционный период выступала обычная заработная плата. В советской литературе доминировала точка зрения, утверждавшая, что реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих России в 1900–1913 гг. не выросла, оставалась почти стабильной и претерпела даже некоторую тенденцию к снижению⁴. Подобное явление, по мнению авторов, имело не только российское, но и мировое значение, обусловленное «общим кризисом капитализма, несущего ра-

* *Фельдман Михаил Аркадьевич* — доктор исторических наук (Уральская академия государственной службы).

¹ См.: Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001 гг. М., РОССПЭН, 2005. С. 4–12; Бородкин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа // Экономическая история. Обзорение. Вып. 5. М., 2000. С. 23–46.

² Там же.

³ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XX — начало XX в.) М., 1979. С. 97.

⁴ См. напр.: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 215.

бочему классу отсутствие роста или тенденцию к снижению реальной заработной платы»¹.

Идеологизация указанной точки зрения просматривается уже при изучении приводимых статистических данных. Так подсчеты, по сведенным в таблицу Э.Э. Крузе данным о динамике номинальных и реальных заработков рабочих, указывали на рост номинальной заработной платы фабрично-заводских рабочих России в 1900–1913 гг. на 37%, а роста цен — на 31,5%, что не подтверждало вывода исследовательницы о снижении реальной заработной платы². При этом Э.Э. Крузе, внесшая весомый вклад в изучение истории российского рабочего класса, обосновано писала, что «нельзя утверждать, что положение рабочих России из года в год ухудшалось. Росли духовные и физические потребности, возрастала и стоимость рабочей силы. Заработная плата должна была обеспечивать производство и воспроизводство рабочей силы. В начале XX в., в сравнении с дореформенным периодом, увеличился ассортимент потребляемых рабочими продуктов, изменилась, особенно в городах одежда...»³ Отмечая «относительно высокую плату» квалифицированных рабочих-металлистов Питера (в 2,5–3 раза превосходящую оплату труда рабочих по России), исследовательница выделяет «наиболее щедрую оплату труда» (курсив мой — М.Ф.) станочников, рабочих ряда других ведущих профессий» на крупных промышленных предприятиях⁴.

Ю.И. Кирьянов, автор наиболее глубокого исследования по рассматриваемой проблеме, пытаясь уйти от приведенного выше прямолинейного вывода, указывал на «известное увеличение реальной заработной платы некоторых групп рабочих в эпоху капитализма». Рост цен уже не однозначно, а «часто сводил на нет рост номинальных заработков»⁵. Ю.И. Кирьянов отмечал как увеличение доли заработка, выдаваемого наличными деньгами (с 89,7% в 1901 г. до 92,5% в 1913 г. по России и, соответственно, с 85,3% до 91,5% в Поволжском промышленном округе, куда входили губернии Урала)⁶ в контексте освобождения от всяческого рода суррогатов зарплаты, так и заметное сокращение взимавшихся с рабочих штрафов, не превышавших в среднем одного рубля в год, идущих по закону 1886 г. в фонд пособий рабочим, потерявшим трудоспособность и беременным работницам⁷.

С одной стороны, историки стремились выявить региональные отличия в оплате труда (относя уральские губернии к районам с заработками рабо-

¹ Там же. С. 216.

² Подсчитано по: Там же. С. 215.

³ Там же. С. 167.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 150–151.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 135–136, 139, 150.

чих ниже общероссийского уровня)¹; обращали внимание на рост реальной зарплаты в связи с расширением применения сдельщины, частичной механизации труда². С другой стороны — стремление представить массив промышленных рабочих как единое целое, приводило к нивелированию реальных процессов в оплате труда рабочих, относящихся к различным социальным группам. Справедливое замечание о чрезвычайно низком уровне заработной платы рабочих России по сравнению с заработками рабочих стран Западной Европы и США³ автоматически адресовалось ко всем рабочим промышленности России.

* * *

Изучение вопроса о стимулах к труду рабочих Урала, как и в России в целом, следует начинать с того компонента, который в первую очередь определял доходы рабочих, то есть, с заработной платы. Для первых десятилетий XX в. наиболее полные данные несут статистические материалы, подготовленные специалистами Совета Съездов уральских горнопромышленников. Сведения, относящиеся к началу XX в., были опубликованы 7 марта 1904 г. в еженедельном журнале Совета Съезда уральских горнопромышленников — «Уральском горном обозрении». Ценность представленных сведений заключалась в информации о заработках рабочих промышленности Урала как за каждый из первых трех лет XX в., так и о среднем заработке за три года. Согласно данным «Уральского горного обозрения» средний годовой заработок рабочих за 1901–1903 гг. составил: на заводах — 206,7 руб.; в горной промышленности — 188,7 руб.; в том числе, на горных приисках — 195 руб.; в лесном хозяйстве, перевозках и заготовках — 133,3 руб.⁴ Информация еженедельника дает представление о диапазоне зарплат рабочих Урала, но в усредненном виде, не учитывая такую реальность Урала, как принадлежность рабочих к различным горнозаводским округам, отраслям, губерниям.

Более полную картину дают «Сводные отчеты фабричных инспекторов» за 1901–1913 гг. Зарботки рабочих на уральских заводах совпадали с величиной средней годовой зарплаты промышленного рабочего России в 1900 г. (207 руб.), однако заметно уступали оплате труда рабочих России, занятых в обработке металлов (338 руб.), и более чем в два раза — заработкам рабочих металлических заводов Петербурга (431 руб.)⁵. Существенные отличия регионального характера в оплате труда рабочих промышленности мы рассматриваем не только как проявление различий в механизации про-

---

¹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 241.

² Там же. С. 242–243.

³ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 149.

⁴ Уральское горное обозрение. 1904. № 10. С. 1.

⁵ См.: Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 104, 114.

изводства, но и как следствие сохранения неразвитости рынка труда, привилегий ведомственного характера для предприятий госсектора.

Для изучения динамики материальных стимулов к труду за 1900–1914 гг. обратимся и к двум полноценным и сопоставимым источникам, несущим сведения о заработной плате рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности края: «Труды» XVIII и XX Съездов горнопромышленников Урала, изданные, соответственно, в 1913 г. и 1915 г. Первый источник дает картину заработков промышленных рабочих по отраслям и губерниям на 1911 г.¹ Второй — состояние заработной платы на 1913 г. по всем отраслям уральской промышленности.

Анализ статистических данных, приведенных в «Трудах» Съездов горнопромышленников, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, правовым отличием социальных групп уральского пролетариата, обусловленным различным ведомственным статусом, соответствовали заметные отличия в оплате труда. Так, среднегодовая зарплата рабочих на предприятиях, подведомственных фабрично-заводской инспекции, составляла 210 руб.² Иной была оплата труда на казенных заводах края: от 280–285 руб. на Ижевском и Воткинском до 321 на Златоустовском и 432 руб. на Мотовилихинском³. Даже на средних по уральским меркам казенным заводам Гороблагодатского округа этот показатель равнялся 267 руб.⁴

Среднегодовая зарплата рабочих горной промышленности Урала в 1913 г. равнялась 175 руб.⁵ Следовательно, зарплата рабочих казенных предприятий в 1,6–2,5 раз превосходила оплату труда рабочих горной отрасли и в 1,4–2 раза оплату на предприятиях, подведомственных фабрично-заводской инспекции, и была существенно выше средней зарплаты в металлургической промышленности края (236 руб.)⁶.

Во-вторых, зарплата рабочих в перерабатывающих отраслях была на 20–40% выше, чем в добывающих и в 2–2,5 раза выше, чем на лесозаготовках⁷.

¹ См.: Труды XVIII съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1913. С. 113.

² Труды XX съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1915. С. 286–291. А.П. Тяняев считал, что приведенные данные характеризуют среднюю зарплату за 1911–1913 гг. См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 115. Сопоставление характеристик зарплат, приводимых в «Трудах XVIII съезда горнопромышленников» за 1912 г. и в «Трудах XX съезда» с другими источниками, позволяет сделать вывод, что в «Трудах XX съезда» указана величина зарплат рабочих за 1913 г.

³ Государственный архив Свердловской области (далее: ГАСО). Ф.24. Оп.16. Д. 1031. Л. 23об, 29об, 31об, 59; Дмитриев П.Н. Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 24.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031. Л. 41.

⁵ Труды XX съезда... С. 286–291.

⁶ Там же; Рабочий класс Урала... С. 115.

⁷ Труды XX съезда... С. 286–291; Рабочий класс Урала... С. 115; Семенов К.С. Лесное хозяйство Урала. Свердловск, 1925. С. 50–51.

В-третьих, заработки рабочих высокой и низкой квалификации отличались в 2,7–3,3 раза, о чем свидетельствуют материалы Таблицы 1.

Таблица 1. Размеры месячной зарплаты рабочих ценовой промышленности Урала в 1913 г., в руб.

Металлисты			Бумажники			Печатники			Пищевики		
квалификация			квалификация			квалификация			квалификация		
низшая	средняя	высшая	низшая	средняя	высшая	низшая	средняя	высшая	низшая	средняя	высшая
14,9	20,8	45	15	39	50	15	–	40	18	30	49

Источник. Рабочий журнал. 1923. № 2. С. 9.

В-четвертых, величина оплаты зависела, куда в большей степени от ведомственного характера, от технической и технологической новизны предприятия, чем от регионального, в данном случае, губернского аспекта. Характерно, что заработки рабочих в наиболее развитой в индустриальном отношении Пермской губернии не превосходили заработки пролетариев в Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а в легкой и пищевой отраслях — даже уступали им¹.

Анализ статистических данных свидетельствует о повышенной норме оплаты труда в производствах, связанных с техническим прогрессом того времени: на электростанциях (378 руб.), в заводских железнодорожных цехах (339 руб.), вагоноборочном (311 руб.) и котельном производстве (411 руб.)². Именно здесь, как и на казенных предприятиях Урала, оплата труда не уступала среднему общероссийскому показателю (290,7 руб.). Следует говорить об общем отставании средней зарплаты рабочих в ценовой промышленности Урала (256 руб.) или 88% от общероссийского показателя; в горной и горнозаводской — 260,5 руб. (90%), в фабрично-заводской промышленности (80% от аналогичного российского показателя), на частных предприятиях металлообработки (более чем в 1,5 раза) и особенно в горнодобывающей (кроме каменноугольной) и лесной отраслях — в 1,7–2 раза³.

Анализ документов по отдельным горнозаводским округам подтверждает общероссийскую тенденцию разрыва в оплате рабочих по половозрастному признаку. Накануне Первой мировой войны заработки женщин-работниц (как и подростков обоих полов) почти в два раза отставали от заработков рабочих-мужчин. Так, в июне 1914 г. зарабатывали в день более

¹ Труды XVIII съезда... С. 113.

² Труды XX съезда... С. 286–287.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 72–73об; Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 104; Положение труда на Урале в 1923 г. Свердловск, 1924. С. 31; Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 224.

одного рубля 59% рабочих-мужчин, но только 13,4% работниц-женщин¹.

О величине заработной платы можно судить, используя профессиональный срез рабочего класса. В первом квартале 1914 г. в металлургической промышленности Урала рабочие 11 профессий (29% от общего числа учтенных профессий) получали дневную зарплату в среднем свыше 1,5 руб., 21 профессий (55%) — от 80 коп. до 1,5 руб., 6 профессий (16%) — менее 80 коп. в день². Условность такого деления очевидна, в силу различий в численности работников каждой из учтенных профессий. Однако источник позволяет сделать важный вывод: заработок рабочих, связанных с тяжелым физическим трудом, простейшими техническими операциями составлял менее 1 руб. в день.

Более объективными представляются данные анкетного обследования в июне 1914 г. 48,4 тыс. рабочих 52 предприятий Урала. Согласно результатам обследования 6,8% рабочих зарабатывали в день более 2 руб., 11,3% — от 1,5 до 2 руб.; 32,4% — от 1 до 1,5 руб.; 49,5% — менее 1 руб., в том числе, 25,6% — менее 75 коп.³ Для сравнения отметим, что аналогичное обследование в России по рабочим всех видов производства показало: рабочих, зарабатывающих в день более 2 руб. насчитывалось 9,7%; 1–2 руб. — 27,4%; 63% — менее 1 руб.⁴ На первый взгляд, сопоставление приводит к неожиданному результату: удельный вес низкооплачиваемых рабочих в России оказывается выше, чем на Урале, вопреки мнению, устоявшемуся в литературе. Однако, следует учесть важное обстоятельство: *общероссийский учет охватил 54% рабочих⁵, тогда как общеуральский — только одну шестую часть* (курсив мой — М.Ф.). Например, у рабочих металлообработки России, зарабатывающих в день более 2 руб., насчитывалось 36%; 1–2 руб. — 42%; и только 22,5% — менее 1 руб.⁶

Средний дневной заработок рабочего ценовой промышленности Урала составлял, по нашим расчетам, 0,98–1,02 руб. или в среднем 1 руб. (исходя из 250–260 рабочих дней в году). Такой подсчет позволяет составить примерное представление о соотношении заработков у всех рабочих ценовой промышленности. Кроме того, анализ системы оплаты свидетельствует, что большая часть рабочих малооплачиваемых профессий была связана с тяжелым физическим трудом.

¹ Подсчитано по: Зарботки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 — июнь 1916 г.) Вып. 1. М., 1918. С. XI.

² Подсчитано по: Литауэр Я.Л. О средних заработных платах и расценках в горной и горнозаводской промышленности Урала. Екатеринбург, 1917. С. 6–29. Данные за I квартал 1914 г.

³ Подсчитано по: Рябухин Е.И. Указ. соч. С. 252–253.

⁴ Подсчитано по: Зарботки фабрично-заводских рабочих... С. XI.

⁵ Там же. С. V.

⁶ Там же. С. VIII.

О соотношении рабочих, занятых на сдельной и повременной оплате, можно судить по материалам отчетов казенных горнозаводских округов за 1913 г., из которых следует, что 64% рабочих оплачивались по сдельной, а 36% по повременной системе оплаты. Наши подсчеты по источникам по оплате труда в 1913 г. на 14 казенных заводах позволяют сделать вывод: заработок рабочего-сдельщика в среднем в 1,5–2 раза превосходил оплату труда на повременной оплате. Так, средний заработок сдельщиков на Мотовилихинском заводе составил 1,93 руб. в день, на Воткинском — 1,73 руб., тогда как у повременщиков, соответственно, 0,9 и 0,99 руб.¹

С учетом того, что на сдельной работе были заняты, как правило, местные, потомственные рабочие, а на повременной преобладали пришлые², можно сделать вывод об общих закономерностях в системе оплаты рабочих Урала. В рабочей среде края существовала наиболее оплачиваемая по меркам Урала и, в то же время, среднеоплачиваемая, по российским характеристикам³, категория рабочих, связанная с наиболее сложными технологическими операциями, сдельщиной; занятая на казенных заводах и крупных частных предприятиях, построенных в конце XIX — начале XX в. Месячный заработок рабочих составлял 31,3–32,5 руб. и выше, а годовой 375–390 руб. и выше, т.е. примерно на треть выше среднего общероссийского показателя и в среднем в 1,5 раза выше общеуральского показателя.

В эту категорию (18% всех рабочих цензовой промышленности Урала), входили приблизительно две трети рабочих основного производства казенных и небольшая часть квалифицированных рабочих частных предприятий; она комплектовалась, как правило, из местных жителей. Характерными для всего Урала можно считать данные переписи 1918 г. по Вятской губернии, выявившие, что уроженцев городов в большинстве своем отличала потомственная принадлежность к рабочей среде, тесная связь с промышленностью, сравнительно высокий уровень профессиональной квалификации. Это выражалось и в более высокой оплате труда. Рабочие из числа потомственных горожан зарабатывали в среднем в 1,5 раза больше чем уроженцы деревни⁴. Исследователи рабочей истории Урала самых разных поколений отмечали предпочтение, оказываемое администрацией уральских заводов при приеме на работу коренных (местных) жителей. Такая практика была характерна и для небольших, и для крупных предприятий⁵. Предпочтение местным жите-

---

¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36об–93об. Данные по 14 казенным заводам.

² Там же.

³ См.: Заработки фабрично-заводских рабочих... С. XI, 20–21.

⁴ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А., Рабочий класс Советской России в первые годы пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975. С. 132.

⁵ См.: Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горного Урала конца

лям отдавалось, прежде всего, потому, что они были более приспособлены к условиям работы на родном заводе, обладали в массе более высокой квалификацией, чем пришлые рабочие. При спаде производственной деятельности, местные рабочие подлежали увольнению в последнюю очередь. Официальное предпочтение «своих» «чужим», преследуя производственные цели, одновременно являлось элементом социальной стратегии государства, направленной на воспитание у рабочих конформизма, на примирение с действительностью, ожидание перемен к лучшему «сверху». Только тех из «пришлых» пролетариев, кто смог на протяжении длительного срока (например, на Воткинском заводе — пять лет) выдержать конкуренцию с местными рабочими, стремились уберечь от увольнения¹.

Среднеоплачиваемой категорией по уральским меркам, но достаточно низкооплачиваемой по российским, выступали 32,5% рабочих ценовой промышленности — представители массовых профессий. Месячный заработок рабочих в этой социальной группе составлял от 20,8 до 32,5 руб. руб., а годовой — от 250 до 390 руб.

Наконец, рабочие, связанные с тяжелым физическим трудом, простейшими техническими операциями, повременной оплатой труда относились к низкооплачиваемой категории пролетариев (49,5% рабочих крупной промышленности Урала). Внутри этого слоя рабочих находилась наиболее низкооплачиваемая группа (25,6%), формирующаяся в основном из «пришлых», чей месячный заработок составлял не более 16 руб., а годовой — не превышал 195 руб.

Для сравнения, и в силу сохранения в целом условий труда и уровня его оплаты, представляется возможным использовать в ретроспективном плане результаты переписи 1918 г. по Вятской губернии для характеристики экономически отличающихся слоев рабочего класса². Исходя из результатов переписи 1918 г., к 1914 г. численность высокооплачиваемой категории приблизительно равнялась 1/3, среднеоплачиваемой — более 40%, на долю низкооплачиваемой приходилось около 25% всех рабочих ценовой промышленности Урала³.

Установленная нами градация рабочих по уровню оплаты позволяет отойти от традиционного представления о низких заработках всех ураль-

---

XIX — начала XX в. М., 1971. С. 37–38; Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. С. 152–153.

¹ Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии... С. 152–153.

² В Вятской губернии рабочие казенных заводов составляли 50% в 1913 г. и 63% в 1917 г. (См.: Мусихин В.Е. Динамика численности и состава рабочих Вятской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.) Свердловск, 1985. С. 41–42.)

³ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А., Указ. соч. С. 202.

ских рабочих и показать глубокую дифференциацию в этой сфере внутри рабочих крупной промышленности края.

Таким образом, общую характеристику положения с зарплатой в дореволюционной России, по справедливому замечанию Ю.И. Кирьянова, следует назвать неблагоприятной в силу того, что размер заработка русского рабочего был в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах Европы, и в 4 раза меньше, чем в США, а сдельные работы ввиду постоянного пересмотра расценок служили, скорее, одним из источников трудовых конфликтов¹.

* * *

К числу стимулов к труду в дореволюционный период следует отнести и пенсии. Отличия социального статуса рабочих, относящихся к различным горнозаводским округам, отчетливо просматриваются на примере законодательных гарантий при увечьях, инвалидности и смерти. Дело в том, что система пенсионного обеспечения рабочих носила характер сословных прав. Только для рабочих казенных горнозаводских округов с 1806 г. существовал комплекс мер, включавший предоставление пособий по болезни или увечью, пенсий по старости². На казенных заводах еще с 1860-х гг. были созданы горнозаводские товарищества со вспомогательными кассами. С 15 мая 1901 г. при полной утрате трудоспособности рабочим казенных предприятий назначалась пенсия в 2/3 годового заработка. В случае смерти рабочего вследствие увечья или профессиональной болезни, пенсии выплачивались его вдове, детям, родителям³.

Что же касается системы социального страхования рабочих частновладельческих округов, фрагментарность правовых актов позволяла говорить об отсутствии государственной политики в этом направлении. Организация страхового дела возлагалась на добрую волю заводоладельцев, ее следы носят локальный характер⁴. Двойной стандарт в политике правительства по отношению к рабочим был продолжен в первые десятилетия XX в. На частных же предприятиях социальные гарантии до июня 1903 г. отсутствовали. Пенсии, назначаемые нетрудоспособным рабочим, носили характер благотворительных подачек и были мизерными⁵. Введение 2 июня 1903 г. пенсий для рабочих при полной потере трудоспособности от несчастного случая на частновладельческих предприятиях было шагом вперед. Пенсия в

---

¹ См.: Отечественная история. 2004. № 5. С. 166.

² См.: Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. № 5–6. Екатеринбург., 2000. С. 352–360.

³ Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1991. С. 110.

⁴ См.: Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России // Исследования по социально-политической истории России. Вып. 12. Л., 1971.

⁵ Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала... С. 110.

размере половины заработка выплачивалась вплоть до выздоровления рабочего. По расчетам, такая пенсия должна была составлять 102,3 руб. в год у рабочего на заводах и 112,7 руб. — на горных приисках¹. В случае признания рабочего инвалидом он получал 2/3 заработка. Проблема заключалась в том, что пенсия рабочим-инвалидам частновладельческих округов могла быть не начислена при признании фабричной инспекцией «грубой неосторожности». Этой оговоркой активно пользовались заводладельцы². О какой-то массовой системе можно говорить только применительно к округу Нижнетагильских и Луньевских заводов Демидовых, где на 1 января 1904 г. насчитывалось 2 284 пенсионера³. Обязательность страхования на частных заводах была введена только по закону 23 июля 1912 г., т.е. на 11 лет позже, чем на казенных, но и к лету 1914 г. только 18% рабочих Уральского страхового общества пользовались страхованием по болезни и инвалидности⁴.

К 1914 г. система социального обеспечения включала предоставление рабочим казенным предприятий пенсий по старости. Проблема заключалась в том, что число рабочих, отработавших положенные 35 лет, и получивших пенсию в размере половины прежней заработной платы, было невелико и составляло 863 человека. На частных предприятиях по закону 1912 г. пенсии по старости рабочим не предоставлялись⁵.

Пенсии рабочих по инвалидности были невелики. На частных предприятиях пенсия в среднем составляла 23–27 руб. в месяц⁶. На казенных — по данным Е.Ю. Алферовой и Л.С. Юдиной — порядка 35 руб.⁷ Однако в источнике, на который опираются исследовательницы, речь идет о пенсионных окладах, но не о выплаченных пенсиях. Анализ отчета Уральского горного управления за 1913 г.⁸ показывает: средняя сумма годовых пенсий, временных пособий, бесплатного провианта, выдаваемая пенсионерам-рабочим казенных заводов, равнялась 52 руб., или вдвое выше, чем на частных предприятиях. Даже на крупных заводах — Воткинском и Пермском пушечном — пенсия по инвалидности не превышала 68 руб. в год. Конечно, эта сумма была более чем не велика. Таким образом, можно говорить о

¹ Уральское горное обозрение. 1904. № 10. С. 2.

² См.: Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала... С. 112.

³ Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России. С. 340.

⁴ Фалькова Ж.З. Страхование рабочих накануне и в годы Первой мировой войны. М., 1968. С. 358.

⁵ Без учета Ижевского завода. Подсчитано по: Горный журнал. 1915. № 10–11. С. 91.

⁶ Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России. С. 340.

⁷ Алферова Е.Ю., Юдина Л.С. Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX — 1917 гг.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1990. С. 86.

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031.

том, что сумма социальных пособий для рабочих казенных горнозаводских округов Урала составляла примерно 1/6 зарплаты.

В частных и посессионных горнозаводских округах уральского края эта величина (26 руб.), даже с учетом меньшей зарплаты рабочих, составляла (если судить по зарплате рабочих-металлургов) немногим более 1/10 зарплаты (236 руб.).

Среди факторов, формировавших социальный облик рабочих казенной промышленности, заметное место занимали меры морального поощрения на производстве. На предприятиях оборонного ведомства России, в том числе на уральских заводах, они сложились в разветвленную и отлаженную систему. Фундамент ее был заложен еще в первые годы правления Николая I.

Недостаточность материального поощрения для проведения эффективной социальной политики заставила власти включить весомые моральные стимулы в форме почетных кафтанов, золотых и серебряных медалей, звания личного почетного гражданина. В таком виде наградная система просуществовала до 1917 г. Эта иерархия наград была рассчитана, прежде всего, на поощрение высококвалифицированного труда; служила стимулом для производственного роста. По расчету нормы поощрений на Ижевском заводе на 16 834 рабочих причиталось 8 417 наград, т.е. на половину состава рабочих. Но заводская администрация посчитала достойными лишь 6,6% или 1 198 чел.¹ Сравнивая величину нормы поощрения рабочих на Ижевском заводе (8417 чел.) и количество реально поощренных рабочих (1198), мы объективно получаем диапазон различий государственной политики и действий заводской администрации. В первом случае, власть ориентировалась на создание в рабочем коллективе массива верноподданных. Во втором случае — речь шла о выделении круга рабочих, с безупречной репутацией. Масштаб различий — почти в 8 раз! — довольно емкий показатель несоответствия курса государства и местных властей.

Причина заключалась в требовании администрации предприятий включать не только долговременную полезную службу, но и отличное поведение на производстве, в быту, отсутствие связей с «неблагонадежными». Из награжденных рабочих формировался слой младшего производственного персонала, которые несли низовые административные функции, были опорой заводского начальства. Такая политика государства накладывала на мировоззрение рабочих, их социальную психологию и поведение специфический «государственный» отпечаток. Понятия «государственная собственность», «государственная власть», отмечает известный уральский историк П.Н. Дмитриев, не вызвали в среде рабочих казенных заводов отторжения, но являлись важной составляющей ее жизненных ценностей и идеалов². Раз-

---

¹ Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии... С. 154–155.

² Там же.

деляя подобные выводы, совпадающие с нашими собственными наблюдениями, заметим, что в литературе существует и иная точка зрения. По мнению Ю.Д. Коробкова, рестрикционизм и слабая трудовая дисциплина, невысокий средний уровень профессионального мастерства определяли качество труда на уральских заводах. «“Командиры производства” говорили о свойственной уральским рабочим в большей мере, чем их коллегам из центра, лени и недобросовестности, старании рабочих с помощью всевозможных обманов сделать плохую работу и вообще их крайне скверном характере, о неаккуратности и слабой трудовой дисциплине и т.п.»¹

На чем же основан такой вывод? Анализ соответствующей главы монографии Ю.Д. Коробкова («Трудовая этика и трудовое поведение рабочих Урала») позволяет дать ответ на поставленный вопрос. Автор опирается на массив пословиц и поговорок, бытовавших на горнозаводском Урале. Выбор их (пословиц и поговорок) в качестве источника исследований, пишет Ю.Д. Коробков, обусловлен тем, что «большинство авторов сходятся в оценке пословиц как выражении мировоззрения народа...»². Обоснованность использования корпуса «трудовых» пословиц и поговорок не вызывает сомнения. Проблема заключается, однако, в ином. Ю.Д. Коробков не заметил «сущей малости»: опубликованный в советское время массив «трудовых» пословиц и поговорок подвергся идеологической цензуре. Наш анализ сборников, посвященных дореволюционному фольклору рабочих Урала, говорит о тенденциозности подбора пословиц и поговорок в духе «классовой борьбы и ненависти к буржуям». Дополняется анализ пословиц и поговорок в упомянутой главе монографии Ю.Д. Коробкова отдельными, немногими документами 1863, 1905 и 1917 гг., т.е. особых, нетипичных лет российской и уральской истории. Как видно, изъяны в методологии, главным образом, сведение в общее понятие «рабочий класс» различных социальных групп, в сочетании с некритическим использованием массива источников, могут привести к выводам, весьма далеким от научных.

Подведем итог. В дореволюционный период у местных потомственных промышленных рабочих Урала, прежде всего, казенных горнозаводских округов, частновладельческих предприятий обрабатывающей индустрии края существовали разносторонние стимулы к труду. Что же касается остальной массы уральских пролетариев, то, отмечая в целом ослабленную мотивацию к трудовой деятельности, следует учитывать ряд факторов. Ограниченность выбора места работы для пролетария в уральском поселке и горнозаводском округе усиливали привязанность к «своему заводу», формируя особый характер относительного мирного социального поведения

¹ Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих Горнозаводского Урала (вторая половина XX — начало XX в.). Москва, 2003. С. 166–167.

² Там же. С. 147.

уральских мастеровых. Предоставление заводладельцами рабочим земельного и лесного наделов, по сути, также выступало специфической формой мотивации к труду, особо значимой в периоды кризисного состояния краевой промышленности. Наконец, в узком социальном пространстве заводского поселка на трудовую мотивацию влияли конкретные отношения администрации и рабочих.

Совокупность названных нами факторов позволяет солидаризироваться с выводом Н.Н. Алеврас о том, что историческое самосознание уральского горнозаводского сословия формировалось в рамках жестко контролируемой, авторитарной по принципам организации, замкнутой в сословном и территориальном пространстве горнозаводской системы¹, ядром которой выступали казенные округа. В среде горнозаводских рабочих наблюдалась как сильная, так и слабая мотивация к труду. Эти различия характеризуют весьма отличные друг от друга социокультурные типы уральского пролетариата. Так, наряду с многочисленной группой рабочих индустриального типа, заинтересованных в своем труде на производстве, существовали еще более многочисленные группы рабочих, слабо или вовсе не заинтересованные в совершенствовании своего труда.

* * *

После окончания Гражданской войны страна приступила к восстановлению народного хозяйства. Урал оказался первым российским регионом, в котором в начале 20-х гг. было проведено экономическое районирование, предполагавшее сочетание рыночной экономики и государственного регулирования на уровне региона. Образование Уральской области, объединившей Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую, Тюменскую губернии позволило начать масштабные обследования условий быта рабочих региона. Наличие опытных кадров статистиков, объединенных областным статуправлением во главе с В.С. Немчиновым, казалось, открывало широкие возможности для научного изучения данного вопроса. Показательно, что первый послевоенный печатный выпуск уральских статистиков открывался словами о начале перелома в области зарплаты, общего положения уральских рабочих с 1922 г. — времени прихода в региональную промышленность новых экономических отношений и, в частности, организации и перевода трестов на хозрасчет².

Проблема заключалась в самом подходе к определению места и роли рабочего класса в обществе. Мы разделяем мнение А.К. Соколова о том, что на протяжении 1920-х гг. прослеживается почти параноидальная боязнь

---

¹ Алеврас Н.Н. «Уральский кризис» в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // Урал в событиях 1917–1921 гг. актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 167–169.

² Уральский рабочий в 1922 г. Екатеринбург, 1923. С. 1, 23.

«мелкобуржуазного заражения», тревога за «чистоту рядов рабочего класса»¹. В силу этого, реалистический подход к оценкам положения трудящихся, мерам по повышению уровня жизни наслаивался на попытки приведения рабочих к единому знаменателю: пролетарию, лишенному собственности.

Сила уравнительных традиций была заметно ощутима в годы НЭПа. Показательна статья известного публициста 1920-х на Урале М. Мудрика, в которой автор призывал к тому, «чтобы не было групп работников с сильно зарвавшейся вперед (по сравнению с основной массой рабочих) тарифной ставкой»². Проявлением уравнительных взглядов стала политика государства в области заработной платы, а именно, нивелировка разницы между высшей и низшей тарифными ставками рабочих в ценовой промышленности Урала. В 1922 г. этот показатель составлял 1:2,1, тогда как в 1913 г. — 2,7–3,3 раза. Прослеживалась закономерность: чем сложнее было положение дел в отрасли, тем меньшей была разница между высшей и низшей тарифными ставками, и наоборот. Так, у текстильщиков этот показатель составлял 2,35; у швейников — 2,4; у печатников — 2,6; Что же касается металлостов и горняков, отношение высшей и низшей тарифных ставок рабочих было 1:2³. Ситуация в сфере заработной платы свидетельствовала, что в самом тяжелом положении в начале 1920-х гг. оказались рабочие тяжелой промышленности.

Таблица 2. Заработная плата рабочих ценовой промышленности Урала в 1922 г.

Отрасль	Реальная зарплата в довоенных руб.	В % к 1913 г.	Отношение зарплаты к стоимости бюджетного набора, в %	% выдачи натурой в счет зарплаты
Горнорабочие	9,1	39	146	50
Металлисты	5,6	26	90	63
Текстильщики	6,5	65	105	47
Деревообработчики	5,9	31	94	48
Химики	7,4	43	119	52
Пищевики	9,7	48	156	60
Кожевники	6,5	31	104	42
Печатники	7,2	39	116	20
Все рабочие	6,6	31	107	55

Источник. Уральский рабочий в 1922 г. Екатеринбург, 1923. С. 92–95.

¹ Соколов А.К. Политическая система и НЭП // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 57.

² См.: Рабочий журнал. 1924. № 5. С. 4.

³ Подсчитано по: Положение труда на Урале в 1923 г. С. 1, 23, 66–67.

Материалы Таблицы 2 показывают, что в 1922 г. ведущий отряд рабочих ценовой промышленности края — металлисты — находился на последнем месте по уровню оплаты, и почти 2/3 зарплаты получал продуктами, по регламентированному свыше распорядку. В наиболее выигрышном положении оказались рабочие пищевой промышленности, т.к. предприятия отрасли не нуждались в конверсии и могли напрямую работать на рынок. Месячный продуктовый набор пищевиков содержал, например, 76,4 кг муки и хлеба, тогда как в среднем рабочий ценовой промышленности Урала в 1922 г. в месяц получал 30,4 кг или в 2,5 раза меньше¹. Но различия в оплате труда были в основном отраслевыми. Выдача продуктового пайка учитывала дифференциацию рабочих по квалификации, но не зависела от конкретной выработки². В 1922 г. на среднемесячную зарплату, полагающуюся согласно коллективному договору, рабочий ценовой промышленности Урала мог приобрести 1,07 бюджетного набора, или в 3,1 раз меньше, чем в 1913 г.³

В исторической науке утвердилось мнение, что, несмотря на непоследовательность политики НЭПа, за 1922–1928 гг. произошло улучшение материально-бытового положения рабочих⁴. Рассмотрим это положение на примере ситуации в области заработной платы. Согласно такому источнику как «Труд на Урале в 1927/28 г.» рост заработной платы уральских рабочих в 1923/24 — 1927/28 гг. составил 82,3% в номинальном и 63,3% в реальном исчислении⁵. В сопоставлении с материалами «Положения труда на Урале в 1923 г.», наиболее подробного источника по рабочей тематике, представляется возможным проследить динамику номинальной и реальной заработной платы рабочих Урала в 1913–1928 гг.

В 1927/28 г. средняя месячная зарплата рабочих ценовой промышленности Урала составляла (в переводе на довоенные рубли) 20,5 руб., т.е. 96% от уровня 1913 г. С учетом роста цен, на свою среднемесячную зарплату рабочий в 1927/28 г. мог приобрести 2,6 бюджетных набора, сопоставимых с наборами 1913 г. Заметим, что официальная статистика, сообщив о разнице реальной и номинальной зарплаты, говорила о превышении в 1927/28 г. уровня оплаты труда 1913 г. на 11,4%⁶. Однако это было бы возможным при условии роста реальной зарплаты в 1923/24 — 1927/28 г. в 2,4 раза, а не на 63,3%. Примечательная черта: ряд опубликованных источни-

---

¹ Там же. С. 97.

² См.: ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 838. Л. 1–10б.

³ Подсчитано по: Положение труда на Урале в 1923 г. С. 29, 31, 34.

⁴ См.: Становление России Советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 249–250.

⁵ Труд на Урале в 1927/28 гг. Статистический справочник по вопросам труда. Свердловск, 1929. С. 95.

⁶ Труд на Урале в 1927/28 г. С. 95; Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 138.

ков конца 1920-х гг. в косвенной форме признавал тот факт, что рабочие промышленности Урала в 1927/28 г. могли приобрести меньше товаров и продуктов, чем в 1913 г.¹ К аналогичному выводу, но на материалах общесоюзного масштаба, пришел Ю.М. Иванов².

Кроме того, статистические исследования, указывая на введение в 1927 г. нового бюджетного индекса, построенного на основе бюджетного набора, включающего, помимо стоимости товаров и продуктов, также оплату коммунальных услуг, признавали нарушение единой методики подсчетов³. Как нам представляется, и в этом случае в «юбилейном» 1927 г. руководство страны сознательно пошло на искажение единого измерителя бюджетной статистики: коммунальные услуги в 1920-е гг. были дешевле, чем в дореволюционное время и позволяли приуменьшить разрыв показателей уровня жизни 1913 г. и второй половины 1920-х гг.

В отличие от начала 1920-х гг. к 1928 г. рабочие пищевой, текстильной, бумажной отраслей вновь, как и в 1913 г., оказались в числе аутсайдеров по уровню оплаты. На первых же местах, как и до войны, были полиграфисты (24,7 руб.), кожевники (24,2 руб.) и металлисты (22 довоенных руб.) Подобное изменение за годы НЭПа свидетельствовало об активном вмешательстве государства в область заработной платы. Об этом же говорило и сокращение диапазона величин зарплат в отраслевом разрезе с 2,1:1 в 1913 г. до 1,5:1 в 1928 г.⁴ Закономерность такого явления была связана с низкой долей расходов, выделяемых на оплату труда на Урале, перекачкой государством средств из легкой и пищевой отраслей в тяжелую, общей политикой уравниательства. Обратим внимание на примечательный факт: если до мировой войны по уровню оплаты горнорабочие находились на первом месте среди пролетариев Урала, то в 1928 г. занимали последние позиции вместе с бумажниками и текстильщиками. Исключением являлись рабочие, занятые на добыче платины, чей заработок на 1/3 превышал среднюю зарплату в крупной промышленности⁵.

Период развития нэповских отношений в целом не изменил различия в оплате труда квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, не восстановив аналогичные пропорции довоенного вре-

¹ «Труд на Урале в 1927/28 г.» сообщал (С. 220–221) о возможности покупки рабочим 2,2 бюджетных наборов. Издание Уралпрофсовета «Рабочие Урала — Рабочим Москвы» (М., 1930. С. 8,10) — 2,4 бюджетных наборов.

² Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-е — начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28.

³ См.: Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922–1927 гг. М., 1928. С. 12.

⁴ Труд на Урале в 1927/28 г. С. 95

⁵ Государственный архив Курганской кой области (далее: ГАКО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 24. Л. 392.

мени. Так, в 1926 г. соотношение зарботков указанных категорий рабочих составило 2,04:1,71:1 в металлопромышленности и 2,44:1,8:1 в текстильной отрасли. Близким к ним было соотношение в остальных отраслях¹.

Идеология диктовала политику в сфере оплаты труда: искусственное выравнивание курсов заработных плат, существовавшее все годы НЭПа, усилилось в 1926–1928 гг. — на начальном этапе свертывания нэповских отношений, связанном с принятием обширных планов милитаризации страны. Прежде всего, речь идет о соотношении зарботков квалифицированных, полу — и неквалифицированных рабочих. В 1928 г. эти показатели составили 1,81:1,38:1 в металлопромышленности и 1,6:1,35:1 в каменно-угольной промышленности². Поскольку тарифная сетка позволяла увеличивать диапазон зарплат рабочих высшей и низшей квалификации до 3:1 (как и в 1913 г.), можно сделать вывод о том, что возможности системы заработной платы, определенные тарифной сеткой, использовались на 2/3. Государство — основной владелец промышленных предприятий — сознательно недоплачивало тому социальному слою, который официально признавался хозяином страны.

Зарплата рабочих ведущих профессий (сталеваров, вальцовщиков, забойщиков, наборщиков) в 1928 г. только на 50–70% превышала среднюю по отрасли³. Отмеченное явление было не только уральским, но и общероссийским⁴. В отличие от довоенного времени, на крупных, технических передовых по уральским меркам заводах зарботки рабочих немногим отличались от средних по региону⁵.

Курс на нивелирование зарплат в определенной степени девальвировал широкомасштабный переход на сдельщину. К 1928 г. на сдельную систему оплаты были переведены около 80% рабочих в металлопромышленности и горнозаводской отрасли; 50–80% в отраслях легкой промышленности. Сдельщина, в принципе, позволяла превышать месячную тарифную ставку квалифицированным рабочим примерно вдвое; неквалифицированным рабочим — от 14% у текстильщиков, до 94% у металлистов. Однако проблема, как уже отмечалось, заключалась в тенденции к уменьшению дифференциации заработной платы. Характерно, что в 1927/28 г. величина удельного веса сдельных работ (в часах) в общем фонде трудового времени в ценовой промышленности Урала (67,8%) немногим отличалась от удель-

---

¹ Труд на Урале в 1926/27 г. Статистический справочник по вопросам труда Свердловск, 1928. С. 98–99.

² Труд на Урале в 1927/28 г. С. 104–105

³ Подсчитано по: Там же. С. 104–105

⁴ За 1924–1928 гг. разница между средней заработной платой всех промышленных рабочих и чернорабочих сократилась с 47,3% до 38,1% (Вопросы труда. 1930. № 6. С. 47.)

⁵ Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. С. 92.

ного веса сумм, оплаченных за сдельную работу (74,1%)¹. Девальвация оплаты сдельных работ — сюжет, малоизвестный для исторической литературы — подрывала интерес рабочих к результатам своего труда.

Еще одним следствием уравнительской политики стало уменьшение за 1924–1928 гг. удельного веса высокооплачиваемых рабочих. По всей стране, по нашим подсчетам, доля рабочих, получавших зарплату в размере более двух средних заработков, сократилась за эти годы с 6,7% до 5,8%², тогда как в июне 1914 г. она составила 9,7%³. С точки зрения борьбы с «рабочей аристократией» результаты были налицо. На Урале удельный вес рабочих, получавших зарплату в размере более двух средних заработков, если судить по металлистам в 1927 г., (другие сопоставимые данные отсутствуют), остался прежним, что и в 1914 г. (6,7%). Суть проблемы заключалась в том, что к разряду «высокообеспеченных» были отнесены рабочие, чей реальный заработок уступал дореволюционной оплате квалифицированных пролетариев. Обратим внимание на сокращение доли рабочих, получавших менее средней зарплаты в крупной промышленности Урала: с 49,5% в июне 1914 г. до 44,2% в 1927 г. у рабочих-металлистов. Такое изменение рассматривалось партийными и профсоюзными органами в качестве главного достижения⁴. Незначительными были в 1920-е гг. выплаты за сверхурочные работы: в 1927/28 г они составили 0,8% от фонда заработной платы, а в 1928/29 г. — 1%⁵, уменьшившись в сравнении с 1923 г.⁶

Курс на выравнивание заработков проявился и в сближении величин заработных плат рабочих в тяжелой и легкой индустрии. В 1927/28 гг. эти показатели составляли 51 и 45,3 золотых руб. при 50,1 руб. по всей промышленности Урала⁷. Искусственно сужая диапазон заработков индустриальных рабочих, государство — главный собственник в ценовой промышленности — получало меньший набор регуляторов политики в области труда, чем частновладельческие компании и казенные округа в дореволюционный период.

Слабое использование роли премий на Урале и в СССР в целом во многом объяснялось плохо поставленным учетом индивидуальных затрат труда, почти полным отсутствием технического нормирования⁸. Все это вместе вело к слабости стимулов к труду на производстве.

¹ Подсчитано по: Труд на Урале в 1926/27 г. С. 102–103; Труд на Урале в 1927/28 г. С. 118.

² Вопросы труда, 1930. № 6. С. 47.

³ Подсчитано по: Россия: 1913 г. Статистически-документальный справочник. СПб., 1913. С. 312–313.

⁴ Подсчитано по: Стат. справочник по вопросам труда и профдвижения. 1925/26–1927/28 г. Свердловск, 1928. С. 50

⁵ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. С. 118.

⁶ Положение труда на Урале в 1923 г. С. 80.

⁷ Труд и социально-культурное строительство Урала в пятилетнем плане 1928/29 — 1932/33 гг. Свердловск, 1929. С. 16.

⁸ Вопросы труда в СССР. М., 1958. С. 292.

* * *

Аналогичный вывод можно сделать и анализируя такой малоизученный аспект, как вопрос о пенсионном обеспечении рабочих Урала в 20-е гг. Содержание Кодекса о труде 1922 г., во многом повторяя статьи закона 1912 г., фиксировало и отказ от некоторых норм, провозглашенных ранее на самом высоком уровне: так ничего не говорилось о пенсиях по старости. Умеренность положений Кодекса 1922 г. отвечала существующему уровню экономики в СССР, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму. До 1928 г. пенсионное обслуживание охватывало только инвалидов труда и семьи, потерявшие кормильцев. Сколь велик был круг пенсионеров на Урале? Заметим, что по трудовому законодательству 1920-х гг. на получение пенсии фактически могли претендовать только рабочие. В 1924/25 г. пенсии получали 28 918 человек: 12 176 инвалидов труда и 16 742 человека из семей, потерявших кормильца. К 1928 г. общее число пенсионеров удвоилось и достигло 58150 чел.¹ Напомним, что как уже говорилось, примерно 10% рабочих Урала являлись инвалидами.

Что же касается размеров пенсий, то в 1928 г. средний размер пенсии составлял примерно 1/3 заработной платы рабочих. В данном случае можно говорить об улучшении пенсионного обеспечения, т.к. в 1913 г. этот показатель у рабочих казенных заводов составлял немногим более 1/6 части зарплаты, рабочих частных предприятий — 1/10. Затянувший и незавершенный процесс формирования пенсионной системы рабочих не способствовал превращению гарантированного получения пенсии в весомый стимул труда на производстве.

В годы НЭПа слабое внимание уделялось и моральным стимулам к труду непосредственно на производстве². Наиболее значимым моральным стимулом можно считать присвоение рабочим звания «герой труда». Мы проанализировали биографии 32 уральских рабочих, представленных к званию «герой труда» в 1925 г. В силу того, что из 32 рабочих 12 имели начальное образование, 8 являлись малограмотными, а 12 — неграмотными, только 5 рабочих являлись членами партии, обобщенный социальный портрет «героя труда» представлял собой преимущественно беспартийного, не имеющего школьной подготовки рабочего³. Немаловажен и другой вывод, «от обратного»: моральные

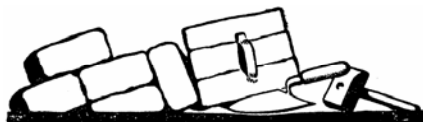
¹ Подсчитано по: Вопросы труда. 1926. № 5–6. С. 200; Рабочие Урала — рабочим Москвы. М., 1930. С. 12.

² Л.И. Бородин и Е.И. Сафонова выделяют такие меры нематериального поощрения, как выдача специального удостоверения изобретателя, героя труда, ордена; содействие при поступлении на рабфак, выдвижение по служебной лестнице (Бородин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа // Экономическая история. Обозрение. Вып. 5. М., 2000. С. 45).

³ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 272. Оп. 4. Д. 88. Л. 88–90.

стимулы мало затрагивали квалифицированных, образованных рабочих, как принадлежащих к партии, так и находящихся вне ее рядов.

В целом, следует согласиться с мнением о том, что восстановление промышленности означало и восстановление свойственных дореволюционных России форм и способов труда, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями. Трудовые отношения в годы нэпа представляли собой сгусток противоречий, как унаследованный из прошлого, так и порожденных спецификой проводимой властью социальной и экономической политики¹. При всей явной недостаточности мотивации к труду 1920-х гг., оценка стимулов к труду у рабочих на производстве должна учитывать не только совокупность материальных, моральных, принудительных рычагов. Присутствовал и политический фактор: выдвижение «передовых», по сути, лояльных, рабочих в руководящий слой общества.

---

¹ Соколов А.К. Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы нэпа // Отечественная История. 2004. С. 179 (Шестая научная конференция «Экономические, политические и социокультурные аспекты НЭПа»).